

О прозе Виля Липатова

Обские просторы, таёжные посёлки Притомья, дремлющие захоластные городки – вот она, сибирская картина мира. Создать её мог только человек, здесь сложившийся, чьи отрочество и юность прошли в этих местах, когда-то забытых Богом и недавно разбуженных. Юность даёт надёжный запас, духовный капитал этот рано или поздно скажется в творчестве – в колорите, в нравах, в деталях, в темпе жизни. Мелькнёт иногда и подлинное название посёлка: «Любовь в Старокороткине». Без этой памяти не было бы образа Оби, её рыбаков и работяг на лесоповале. Моральный облик сибирской глубинки, духовный потенциал – всё это давно просилось в литературу, и вот выплеснулось, стало узнаваемым. Приобье, Притомье – мир Виля Липатова. Лучше всего удавалось ему описание нравов сибирской деревни и посёлка, оно не лишено элегического звучанья, и здесь перед нами – традиционалист - «деревенщик». Работая журналистом, познакомился с разными областями Сибири. В ранних рассказах Липатова изображен томский Север, прозаик равное внимание уделял быту «медвежьих углов» и конфликтам, порождённым современностью. В литературу пришёл в эпоху Оттепели, и осмыслял ту же реальность, что и В. Шукшин, Ю. Казаков или Ю. Трифонов, хотя не достиг такой же художественной глубины.

Виль Липатов родился в 1927 году в Чите. Отец – из ссыльнопоселенцев – работал в областной газете, мать преподавала литературу в школе. Перед войной родители будущего писателя развелись, и он с матерью оказался в селе Новокороткино Колпашевского района, а в 1941 – в Тогуре. В городе, названном «Ромском», Липатов учился в пединституте, здесь, ещё студентом, начал печататься в газетах, здесь сделал и первый шаг в писательство. Исторический факультет пединститута Липатов закончил в 1952 году, а в журналистике пробовал себе ещё студентом. Опыт газетчика Липатова разнообразен. В 1958 году заведовал отделом писем и культуры в районной газете «Причулымская правда» (Асино); восемь лет (1951-1957) – в областной газете «Красное знамя». Здесь опубликованы первые его рассказы.

И сразу – внезапный и, кажется, необъяснимый взлёт. Неизвестного в Москве журналиста-сибиряка приютил Валентин Катаев. В 1956 году в молодёжном журнале «Юность» напечатаны рассказы «Самолётный кочегар» и «Двое в тельняшках». Через два года, в 1958-м, вышла первая книга Липатова. А в 1960 году «Новый мир» Твардовского принял повесть «Глухая Мята». С 1964 года Липатов специальный корреспондент газеты «Советская Россия», затем корреспондент «Известий», «Правды» и «Литературной газеты». Напечатанные в «Юности» рассказы были обещающей заявкой, и первое время Липатов значился в рубрике «молодые прозаики». Повести «Своя ноша не тянет», «Глухая Мята», «Стрежень», «Чёрный Яр» подтвердили ожидания критиков. А настоящую известность принесли писателю директор Прончатов и милиционер Анискин – в этих образах он закрепил социальные типы, каких раньше называли «знакомыми незнакомцами».

Одна за другой выходили в шестидесятые повести: «Зуб мудрости», «Смерть Егора Сузуна», «Стрежень», «Чёрный Яр». С 1967 года писатель жил в Москве, продукцию выдавал... как с конвейера. Здесь в 1967-1968 годах написан «Деревенский детектив» – цикл бытовых рассказов с центральным героем – сельским милиционером. Грань 60-70-х – творческий взлёт Липатова: вышли повести «Сказание о директоре Прончатове» (1969), «Серая мышь» (1971), роман «И это всё о нём» (1974). Популярность пришла к Липатову с повестью «Сказание о директоре Прончатове» и с романом «И это всё о нём». А закрепил её «Деревенский детектив». Ну, конечно, и киносценарии о милиционере Анискине: «Деревенский детектив», «Анискин и Фантомас», «И снова Анискин». Вышедший в 1977 году роман «Игорь Саввович» популярности уже не добавил.

Это было время, когда разделяли большую правду и маленькую. Внешняя канва жизни Виля Липатова – благополучный функционер. Соцреалист, он понимал: один

человек систему не опрокинет. Окрепла она, стала чем-то само собою разумеющимся, а диссиденты казались обывателям белыми воронами: живём же, так к чему голову о стену расшибать. А вопрос о правде жизни, спрятанный в подтекст, для большей части читателей так и не всплыл, не обнажился. Сделать карьеру на правде? При застое общественной мысли?..

Это было время, когда разделяли большую правду и маленькую. Десять лет лежал в столе роман «Лев на лужайке», в котором автор показал бесконфликтного правдолюбца. А когда напечатали, после смерти автора, – роман остался незамеченным. Пришла другая эпоха, от соцреализма с его производственными повестями и драмами критики дружно отвернулись. Сценизм обыденной жизни и анализ рабочей среды – достоинство повестей «Глухая Мята», «Сказание о директоре Прончатове». Но нынешний читатель не может отделаться от впечатления какой-то недоговорённости, невыраженности главного.

Современность книг? «Время требовало», «срочный заказ эпохи», «пульс пятилетки». Вырубка лесов, темпы добычи нефти и газа... Ваганов, герой романа «Лев на лужайке», сделавший карьеру в эпоху «застоя», удачливый московский журналист, – попытка самоотчёта? В родной город Никита Ваганов возвращается победителем: добился всего, чего хотел в молодости. Виктор Лойша считает: в этом романе писатель сводит счёты: «В соцреалисты он угодил позже, на последнем этапе работы. Освоившись в Москве, заматерев и забронзовев, уважать себя заставив, Виль Владимирович взялся за монументальные полотна... Олимпиец Липатов небрежно мстил всем, кто когда-то как-то его обидел...». Журналистика ударная, но малодоказательная... «Угодить» можно в тюрягу или в психушку... Можно найти в романе искусственность и недоговорённость, но не претенциозность и не мстительность. Роман «Лев на лужайке», начатый в 1978 году, Липатов дописывал в 1979-м, в больнице, откуда уже не вышел. Пережить «застой» ему не дано было. Можно поставить рядом имена Виля Липатова и Василия Аксёнова. Приём вроде бы безотказный, и всё-таки... там и там - конъюнктурность, исполнение социального заказа...

Иногда герои рассказов Липатова чужаковаты, как и у Шукшина, и обоих интересовал человек, выбившийся из колеи. Тип маргинала, человека социального промежутка, появился в рассказах «Мистер-Твистер», «Самолётный кочегар», «Двое в тельняшках», «Зуб мудрости». Тема распада личности, алкогольного вырождения – в основе повести «Серая мышь» (1970). Нравописание и социальный анализ, ирония и элегия привлекательны в повести «...Ещё до войны». Основа цикла «Деревенский детектив» – сочетание драматизма и иронии в изображении на первый взгляд простых, но внутренне исковерканных судеб. Это самое характерное для манеры Липатова произведение: детективный сюжет – поверхностный слой. Настоящее открытие – парадоксальность поведения, неоднозначность характеров, казалось бы, самых заурядных людей. Через повторы и сопоставление ситуаций автор приближал читателя к пониманию всеобщего советского двойничества. Прозаик наблюдал перерождение советского человека, потребности которого оказались обыкновенными, прозаическими – благополучие, достаток, семейный уют.

«Красный мещанин» – фигура, в сущности, гротесковая, но прозаик избегал сатирической тональности. Вглядевшись в основную советскую массу, он отметил мимирию: поведение в малом кругу и в большом коллективе, на виду у всех, резко различалось. И в прозе Липатова появилась своего рода жанровая мимирия: внешняя канва – детектив («И это всё о нём»), а в итоге расследования – вывод: ритуал лишь прикрывает реальность, сути жизни не изменяет. В повести «Глухая Мята» дан не столько классический конфликт отцов и детей, сколько разлом в сознании одного человека, усомнившегося в узаконенных идеалах. Проблемы и типы романа «Игорь Саввович» (1977) говорят о хорошем знании провинциальной элиты, о попытке критики социальной системы и – об ограниченности этой критики. Внешняя занимательность – своего рода отвлекающий манёвр, важнейшее – в подтексте. Внимательные читатели видели в мире

Липатова больше, чем позволяла себе констатировать критика. Автор делал ставку на запасники анекдота, очень активного в позднесоветское время. Может быть, Липатов не столько обличал приспособленцев-обывателей, сколько изображал новую систему ролевых игр? Игорь из романа «Игорь Саввович» – молодой человек, увядший на корню в условиях общественного застоя. Талант и молодость в конфликте с административно-командной системой? Не видно конфликта. В последнем романе убраны конкретные приметы времени, есть лишь история талантливого журналиста, идущего своей дорогой. Но что это за путь?

Проза Липатова делится на два типа: производственные повести и романы и социально-психологические повести и рассказы очеркового типа. В первых он больше всего «у времени в плену», в них герои двух узнаваемых советских типов: ударники и приспособленцы-конформисты. Главную опасность своего времени Липатов видел в бездуховном потребительстве, в жизни, отданной материальным благам. Исход эпохи очевиден. Евгений Столетов, герой романа «И это всё о нём» (1974), погиб будто бы «в результате несчастного случая». Главный вопрос остался без ответа: какая сила уничтожила его. Шаг за шагом восстанавливает следователь Прохоров жизнь настоящего комсомольца, в сущности, обречённость его. В характере Столетова есть некоторая исключительность, книжная идеальность: пока где-то на земле есть несчастные люди, он не может быть счастливым. Он чувствует себя главным в жизни посёлка, непримирим к недобросовестным рабочим. Хотел стать инженером – стал трактористом в глухом лесопункте, но званием рабочего человека гордится. Так кто же он, Столетов: трагический герой-правдоискатель? Или донкихот брежневского времени?

И каков исток его конфликта с Гасиловым? Гасилов нашёл нехитрый способ эксплуатировать саму Советскую власть её же методами приписки и раздувания успехов. Вчерашний уголовник Заварзин задаёт вопрос: «Кто ты, Столетов, что хочешь добровольно больше положенного ищачить?». Ответ Столетова из ранних лозунгов советской эпохи: «Я не буду заботиться о высокой производительности труда, кто же будет заботиться?». Знакомо: если я гореть не буду, если ты гореть не будешь... Критики 70-х годов дружно писали об опасности «гасиловщины». Конфликт увиден писателем, но насколько широко он истолкован? Ведь вопрос стоял так: сколько ещё может держаться система на чистом энтузиазме и обещании «цветущих перспектив»?

Вл. Лакшин восстанавливает беседу Твардовского с Липатовым: «Вот А. Т. прочёл вёрстку Виля Липатова «Чужой» и пригласил его для объяснений. – У вас обширный опыт, – говорит А. Т., – но вам не хватает писательской культуры... – Вы пишете и не переделываете. Всё остаётся, как в первый раз осталось». И сравнил его, сибиряка, с Юрием Казаковым, за которым – фигура Бунина. Вот такого предтечи у Липатова не было.

В 60-е годы о Липатове писал критик Макаров, тот самый, о котором позднее Виктор Астафьев написал замечательную повесть «Зрячий посох». Александр Макаров – собиратель «деревенщиков», введивший писателей-провинциалов в большую литературу. Он не только отметил интенсивное творческое развитие прозаика, но и предсказал новые сюжетные решения: перед Липатовым стоит «задача, которая не сводится даже к тому, чтобы показать, как коллектив способствует перевоспитанию личности. А ещё более высокая – раскрыть, как коллектив воспитывает, формирует яркую и гармоничную личность». Макаров умел, как говорил Белинский, «по альфе угадать омегу». Выделил общественную значимость сюжетов, яркость и типичность характеров, стиль жизни липатовского посёлка, колорит российской глубинки – всё это и привлекло читателей. Лучших произведений Липатова Макаров не дождался, а в них явились открытия сибиряка, дополнившие стилевой спектр прозы о деревне. Сильная сторона их – портреты современников, залежи «душевности» в сибирской провинции. Нельзя сказать, что родом писатель из деревни, но он жил в ней, и лучше всего удались ему сельские картины. «Деревенщик» он, конечно, лишь во вторую очередь, но переклички с Шукшиным

бросаются в глаза. Сельский маргинал, живущий как-то не в своей тарелке, – это у них общее. Правда, трагического финала жизни, надрыва, фиаско – этого у Липатова нет.

Неординарная личность в коллективе – центральная тема творчества Липатова. Человек вступает в трудовой коллектив и в его конфликтах обретает человеческую зрелость, – вот излюбленная тема Липатова. Трудную задачу поставил он в повести «Сказание о директоре Прончатове»: создать образ идеального делового человека, человеческого максималиста. Олег Прончатов всего себя подчиняет делу. Казалось бы, типичный сюжет для производственного романа. Но в идеальном директоре вдруг обнаруживается самонадеянность, из заносчивости – противопоставление себя коллективу.

Итак, известность писатель получил как мастер «производственной» прозы. Но настоящему интересен он подтекстовым анализом скрытых конфликтов его эпохи. В. Липатов избежал героизации раскулачивания, не пытался напрямую изображать войну, ибо этот путь обрекал на вторичность. Но советский писатель не мог уклониться хотя бы от одной из обязательных тем, и Липатов посвятил самые крупные свои произведения производственной теме. Включив в неё побочные картины – заскорузлый быт, пьянство и расхристанность поведения, он добился оригинальности.

Высшее достижение прозаика-сибиряка – повести «...Ещё до войны» и «Серая мышь». И, конечно же, «Деревенский детектив». Нравственный центр в селе Кедровка – уже немолодой милиционер Анискин, фронтовик, сохранивший кондовую человечность старой деревни. В отношении жанра «Деревенский детектив» – характерное явление времени: повесть в рассказах, живущая, правда, и как цикл, где каждое произведение завершено и может вести независимое существование. Нравописание и сюжетная занимательность, а главное – колорит села, точно ухваченный язык. Повесть «...Ещё до войны» (1971 год) свободна и от производственного задания, и от идеологического. Пожалуй, здесь автор свободен от социального заказа, а элегия – из отроческой памяти.

А. Казаркин